
Мари О
ШИФР
САЛОМЕИ

Мари О
Шифр Саломеи

https://litres.ru/74805819

Аннотация

Откровение, от которого плавится лед

Ева Вольская — VIP-девушка для «решения проблем» миллиардеров. Она взламывает банки и стирает людей из баз данных, но её новое задание звучит просто: украсть дневник у мертвеца.

Спойлер:Это ловушка.

Её заказчик — Доминик. Роскошный, опасный, с глазами цвета шторма... и её бывший, которого она считала мертвым. Чтобы спасти сестру от нейросети боли, Ева спускается в «Зал Памяти» под Кремлем — место, где хранятся чужие души.

Но главная подстава в том, что Доминик ради этой игры стер себе память! Он не помнит, как они любили друг друга, но его тело — помнит всё.

Когда Ева использует свою главную силу — идеальную ложь — чтобы обмануть искусственный интеллект, реальность дает сбой. Взрыв. Хаос. Москва накрыта фиолетовым куполом, а люди начинают сходить с ума от «правды».

Теперь Ева — заложница в разуме собственного мужа, а миром правит Сеть, которая питается их страстью. ⚡#

Это игра на грани.

Где «люблю» звучит как «протокол взлома», а постель становится полем битвы за мировое господство.

Сможешь ли ты отличить поцелуй от кражи данных?

#психологическийтриллер

#эмоциональныйвзлом

#очень_откровенно

#антиутопия

Содержание

Пролог 5
Часть I: Иллюзия контроля. Глава 1 11
Глава 2 19
Глава 3 27
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Пролог

Говорят, мир умер в полночь.

Это ложь.

Мир умер в 14:02 по московскому времени, когда я поняла, что единственный мужчина, способный меня уничтожить, снова держит меня за горло. Но началось всё чуть раньше — в лифте пентхауса на пятидесятом этаже башни «Федерация».

В моих руках был дневник. Кожаная безделушка девятнадцатого века, из-за которой уже погибли три человека. Мой клиент — человек, чье лицо нельзя было снимать даже на камеры наблюдения, — пообещал мне за него остров и свободу.

Я должна была просто передать товар.

Но я — Ева Вольская. Я не «просто» делаю ничего.

Я открыла замочек. Внутри не было ни золота, ни государственных тайн. Там была только одна страница. Плотная веленевая бумага, на которой каллиграфическим почерком был выведен один-единственный вопрос:

«Кто ты, когда гаснет свет?»

Двери лифта разъехались.

Он стоял там. Не клиент. Не убийца.

Доминик.

Мужчина, который пять лет назад научил меня дышать

под водой, а потом бросил тонуть. На нем был костюм, который стоил дороже моей годовой выручки, но выглядел он так, словно только что сорвал его с кого-то в темном переулке. Галстук ослаблен, верхние пуговицы рубашки расстегнуты.

— Ты похорошела, Саломея, — его голос был тем самым ядом, от которого нет противоядия. Низкий, вибрирующий, он обволакивал легкие, не давая сделать вдох. — А вот пароль — дерьмо.

— Это не пароль, — я сделала шаг назад, пока лопатки не коснулись холодного зеркала кабины. — Это вопрос.

— Это ловушка. И ты в неё попалась.

Он шагнул внутрь. Двери начали закрываться, отрезая нас от остального мира, превращая лифт в нашу личную, звукоизолированную камеру пыток.

Он не спешил. Он подошёл вплотную, сокращая дистанцию до опасного минимума. Я чувствовала жар его тела сквозь тонкую ткань своего платья. Он был выше меня на голову, и сейчас, в тесном пространстве, он казался огромным.

— Отдай книгу, — приказал он. Его рука легла на стену прямо над моей головой, заключая меня в клеть.

— Сначала скажи, зачем она тебе. В ней нет карт. Там только бред сумасшедшего князя.

— Там инструкция, — Доминик протянул руку и взял меня за подбородок. Его пальцы были стальными, но прикосновение — обжигающим. Он заставил меня смотреть ему в

глаза. — Инструкция к тебе.

Мое тело предало меня. Колени стали ватными. Между ног потяжелело от одного только его запаха — озон, дорогой табак и что-то первобытное, дикое.

— Скажи мне, Ева, — он наклонился так близко, что его губы почти касались моих. — Кто ты, когда гаснет свет?

Это был не вопрос. Это был *взлом*.

Слова проникли в мой мозг, обходя все протоколы защиты. Мое тело онемело. Пальцы разжались сами собой.

Дневник выскользнул из рук и с глухим стуком упал на пол.

Доминик наступил на него тяжелым ботинком. Раздался хруст ломающегося корешка.

— Умница, — выдохнул он мне в губы.

Свет в лифте моргнул.

Раз.

Два.

А на третий раз он погас совсем.

Тьма ударила по глазам, но она не принесла облегчения. Она принесла его.

Я не успела даже пискнуть. Его руки сомкнулись на моих бедрах, отрывая меня от пола, впечатывая в холодную зеркальную стену. Звук разбитого стекла, треск пластика — всё смешалось с моим рваным вздохом.

— Ты думала, я просто заберу книгу? — его голос в темноте звучал как приговор.

Его колено вклинилось между моих ног, раздвигая их с властной жестокостью. Я вцепилась в его плечи, чувствуя под пальцами дорогой шелк и стальные мышцы.

— Доминик... мы не...

— Мы — да, — он оборвал меня поцелуем.

Это не было нежностью. Это было наказанием. Он брал мой рот так, словно хотел сожрать меня заживо, наказать за то, что я посмела дышать эти пять лет без него. Его язык вторгался, не спрашивая разрешения, клеймя, напоминая, чьей женщиной я являюсь на клеточном уровне.

Одной рукой он держал меня за горло — не сжимая, просто фиксируя, чтобы я не могла отвернуться. Другой рукой он задрал подол моего платья до талии. Я услышала звук рвущейся ткани его брюк.

— Ты всё ещё носишь его? — прорычал он мне в шею, прикусывая кожу. — Свой корсет с дневником?

— Я... — я не могла говорить, воздух застрял в легких.

— Молчи, — приказал он.

Он вошёл в меня одним резким, глубоким движением. Без прелюдий. Без жалости.

Я закричала, но звук утонул в его рту.

Лифт дернулся и поехал вниз. Каждое движение кабины совпадало с его толчками. Ритм был жестоким, механическим, лишенным всякой любви, но полным такой концентрированной похоти, что у меня искры сыпались из глаз.

Он трахал меня так, словно хотел вбить меня в эту зер-

кальную стену.

— Чья ты? — хрипел он, ускоряя темп. Его пальцы на моем горле сжались чуть сильнее, перекрывая кислород ровно настолько, чтобы мир поплыл.

— Твоя... — выдохнула я, кончая с криком, который он тут же поглотил новым поцелуем.

Я чувствовала, как его тело напрягается, как он замирает во мне на секунду, прежде чем излиться с глухим, животным рыком.

Мы стояли в темноте, тяжело дыша. Лифт продолжал падать.

Он всё ещё был во мне.

— Это было предупреждение, — прошептал он, наконец отстраняясь. Он поправил одежду с пугающим спокойствием, словно ничего не произошло. — Следующий раз, когда решишь поиграть со мной, я не буду таким добрым.

Свет в лифте вспыхнул.

Мы были в подвале. Двери открылись в пустоту.

Пол под моими ногами исчез.

Я падала.

Но я не кричала. Я всё ещё чувствовала вкус его крови на своих губах и то, как пульсирует его плоть внутри меня.

Это был не просто провал в шахте.

Это был его взгляд.

И дна у этой пропасти не было.

«*Ошибка доступа. Носитель поврежден*».

Последнее, что я услышала перед тем, как темнота стала абсолютной, был тихий, почти механический щелчок.

Словно кто-то перевел предохранитель на пистолете, приставленном к моему виску.

Часть I: Иллюзия контроля. Глава 1

Свобода — это право говорить людям то, чего они не хотят слышать.

— Джордж Оруэлл

Париж в ноябре пахнет не мокрым асфальтом и жареными каштанами. Для тех, кто сидит на верхнем этаже стеклянного небоскреба в Дефансе, он пахнет озоном, дорогим парфюмом и легким привкусом неизбежного предательства.

Я не смотрю в панорамное окно. Я смотрю на мужчину, который сидит в моем кресле из черной кожи. Его профиль выточен из мрамора кем-то вроде Родена, но в глазах цвета штормового моря нет ничего античного. В них есть только вежливый, клинический интерес патологоанатома.

— Ваше досье безупречно, Ева Вольская, — его голос обволакивает, как старый бархат. — Вы решаете проблемы, которые не имеют решения. Вы находите людей, которые не хотят быть найденными. Вы стираете цифровые следы так, что от человека остается только запись о смерти в реестре.

— Это стоит дорого, — я наливаю себе «Шато Марго» 1982 года. Ему не предлагаю. Пусть немного подмерзнет. —

И мое правило неизменно: я не сплю с клиентами. Это портит аналитические способности.

Он медленно поворачивает голову. Уголок его губ изгибается в усмешке, от которой у любой другой женщины подогнулись бы колени.

— Я и не предлагал вам спать, Ева. Я предложил вам сыграть.

Он достает из внутреннего кармана пиджака не визитку. Он достает бархатный мешочек. Тяжелый стук, с которым он опускает его на столешницу из закаленного стекла, звучит в тишине кабинета как выстрел.

Внутри лежит не бриллиант.

Это маленькая, пожелтевшая от времени книжица в кожаном переплете. Края страниц обтрепаны, но замок — изящная серебряная застежка в виде двух сплетенных змей — выглядит так, будто его выковали вчера.

— Что это? — мой голос остается ровным, но пальцы сами собой сжимаются на ножке бокала чуть сильнее, чем нужно.

— Дневник князя Алексея Орлова. 1923 год. Константинополь, — Доминик (он так и не представился, но я знаю это имя из шепотов в закрытых клубах Цюриха) наклоняется вперед. От него пахнет можжевельником и опасностью. — В нем тридцать две страницы. На каждой — зашифрованный текст. И одна-единственная гравюра. Саломея, держащая на блюде не голову Иоанна, а ключ.

— Антикварная порнография? — я приподнимаю бровь. — За этим обычно приходят к моим конкурентам. Я занимаюсь финансами.

— Это не порнография, — он берет дневник, его длинные пальцы касаются переплета с почти чувственной нежностью. — Это инструкция. Инструкция к тому, как войти в Зал Памяти. Место, где хранятся оригиналы тайных договоров, меняющих ход истории. И оригиналы человеческих душ, которые эти договоры подписали.

Я молчу. В моей профессии молчание — лучший детектор лжи. Он не лжет. Он просто не договаривает.

— Зачем это мне? — спрашиваю я. — У меня есть пентхаус, счет в Цюрихе и сестра, которой я отправляю деньги каждый месяц, чтобы она не вышла замуж за очередного идиота. Мне не нужны тайны мертвых русских князей.

— Потому что три дня назад этот дневник был извлечен из ячейки в Базеле, — он протягивает мне руку через стол. На его запястье нет часов, только тонкий белый шрам. — А четыре дня назад он принадлежал вам.

Я не смотрю на его руку. Я смотрю в его глаза.

— Вы ошиблись, — говорю я, хотя холодный пот на спине уже опровергает мои слова. — Я никогда не владела этой вещью.

— Ошибся не я, — он кладет дневник обратно в мешочек и пододвигает его ко мне. — Ошиблась ваша система безопасности. Кто-то очень хочет, чтобы вы вспомнили то, че-

го никогда не было. И этот кто-то уже оплатил мои услуги, чтобы я доставил вам посылку.

Он поднимается, оправляя манжеты безупречной рубашки.

— Правила просты, Ева. Вы открываете первую страницу. Если вы находите ключ, вы звоните по номеру, который я оставил у вас в почте. Если вы отказываетесь… — он делает паузу у самой двери. — Вашу сестру Леру очень впечатлил ее новый инструктор по дайвингу. Говорят, на Бали сейчас неспокойное море.

Дверь закрывается за ним бесшумно.

Я остаюсь одна. В кабинете пахнет его парфюмом. На столе лежит бархатный мешочек, а в моем личном, зашифрованном канале связи мигает новое сообщение. Отправитель — неизвестен.

Текст состоит всего из трех слов: «До дна, Саломея».

Я дожидаюсь, пока секундная стрелка на моих часах сделает полный круг. Только после этого я надеваю нитриловые перчатки. Пальцы не должны оставить на столетней коже ни единого следа.

Замок поддается с сухим, едва слышным щелчком. Кожаная обложка расходится с тихим вздохом. На форзаце, под выцветшими чернилами дарственной надписи, проступает то, чего там быть не должно. Микротекст. Почти невидимая глазу сетка цифр, вшитая в структуру бумаги. Мой мозг считывает ее быстрее, чем сознание успевает сформировать

страх.

Это не просто дневник. Это аппаратный ключ. И он только что синхронизировался с моим личным сервером.

Я переворачиваю страницу.

Вместо рукописного текста князя Орлова на плотной веленевой бумаге напечатан один-единственный современный QR-код.

Я достаю телефон. Камера наводится на черный квадрат. Загрузка.

На экране открывается не браузер. Открывается защищенный терминал. В командной строке уже мигает курсор, ожидающий ввода.

Пароль:

Я смотрю на серебряных змей на столе. Затем на гравюру Саломеи, которую Доминик так и не показал, но описание которой выжжено в моей памяти. Ключ на блюде.

Мои пальцы замирают над экраном.

Кто-то только что взломал мою жизнь, прислав мне замок от нее же. И этот кто-то знает, что я не смогу не повернуть ключ. Страх — это слишком простая эмоция для того, кто держит в руках рычаг давления на саму себя. Вместо него приходит холодная, звенящая ярость.

Я набираю единственное слово, которое связывает гравюру, подарок и угрозу в моей почте. Единственное слово, которое этот невидимый кукловод только что бросил мне в лицо.

САЛОМЕЯ.

Терминал моргает. Курсор исчезает. Вместо него на экране медленно, пиксель за пикселем, проявляется видеопоток.

Это не запись. Это прямая трансляция.

Камера установлена высоко, под потолком. Она смотрит вниз, на широкую кровать с черными шелковыми простынями.

На кровати, пристегнутая наручниками к латунному изголовью, сидит Лера.

На ней нет ничего, кроме золотой цепочки на шее. Глаза сестры расширены от коктейля ужаса и какого-то дикого, животного оцепенения. Она смотрит прямо в объектив, но явно не видит меня. Ее зрачки сужены в точку.

В кадре появляется рука. Мужская, с тем же тонким белым шрамом на запястье. Рука медленно проводит по шее Леры, поправляя цепочку.

Лера вздрагивает, но не отстраняется. Она выгибает спину, подставляясь под эту ладонь, и издает тихий, почти блаженный стон.

Я сжимаю телефон так, что пластик угрожающе трещит.

Рука на экране спускается ниже.

Звук на видеопотоке отключен, но я слышу все. Я слышу, как бьется мое собственное сердце — глухо и загнанно. Я слышу, как шелестят шелковые простыни.

Внизу экрана появляется строка чата.

Вы нашли ключ, Ева. Теперь мы начинаем настоящую иг-

ру. Первая глава дневника — это не текст. Это приглашение. Жду вас в Венеции. Зал Памяти открывается только для двоих. Если вы не придете до заката, я научу вашу сестру любить глубину. По-настоящему.

Я закрываю глаза. На внутренней стороне век вспыхивает гравюра: Саломея с ключом.

Доминик не ошибся. Моя система безопасности действительно дала сбой. Она допустила одну фатальную уязвимость.

Она допустила существование Леры.

Я открываю глаза. Пальцы сами тянутся к клавиатуре терминала, чтобы запустить обратный пинг, отследить сигнал, вскрыть их защиту. Но я останавливаюсь.

Если я ударю в ответ сейчас, он нажмет кнопку на пульте, который, я уверена, лежит у него в кармане. И Лера, моя рациональная, язвительная, сильная Лера, навсегда останется там — на черных шелковых простынях, влюбленная в своего мучителя.

Я закрываю терминал. Открываю почту. Копирую номер, который он оставил.

И набираю сообщение. Всего четыре слова.

Я буду в Венеции.

Экран гаснет.

В кабинете пахнет озоном, сандалом и моим поражением. Но где-то глубоко под ребрами, там, где у обычных людей живет совесть, просыпается нечто иное.

Оно улыбается в темноте точно так же, как Доминик.

Глава 2

«Власть — это работа, профессия. Можно быть талантливым или бесталанным управленцем».

Михаил Ходорковский

Венеция пахнет гниющей водой, застоявшейся пылью веков и дешевым кьянти для туристов. Но я чувствую другой запах. Озон высоковольтных линий, спрятанных под плиткой пьяцц, и холодный, стерильный аромат денег, которые не имеют ни гражданства, ни запаха.

Я оставила свой пентхаус в Дефансе три часа назад. Частный «Гольфстрим» приземлился на аэродроме Тревизо. Никаких паспортов, никаких имен. Только черная карта, которая превращает любую границу в формальность. В Венецию я вошла через черный ход — заброшенную таможенную пристань в районе Каннареджо, где меня ждал человек в ливрее, чье лицо было стерто из всех баз данных еще в прошлом десятилетии.

Зал Памяти не значится ни на одной карте. Доминик не дал адреса. Он прислал координаты и время: 18:47. Закат.

Гондола, на которой я плыву, лишена привычной позолоты. Это хищный, черный силуэт из углепластика, скользящий по Гранд-каналу бесшумно, как акула. У меня нет бага-

жа. Только маленькая бархатная сумочка, в которой лежит дневник князя Орлова. Он жжет бедро сквозь кожу, словно кусок сухого льда.

Мы сворачиваем в узкий, темный канал, где вода стоит неподвижно, как черное стекло. Фонари здесь не горят. Свет падает только из высоких стрельчатых окон палаццо, нависающего над водой. Его фасад покрыт зеленой патиной и сетью трещин, но я знаю: за этой ветхостью скрывается титановый каркас и системы очистки воздуха, способные выдержать ядерную зиму.

Гондола замирает. Человек в ливрее протягивает мне руку. Мои каблуки — двенадцать сантиметров заточенной стали — цокают по мокрому мрамору ступеней.

Дверь открывается сама. За ней нет прихожей. За ней — бездна.

Я вхожу в темноту, и датчики движения тут же включают свет.

Это не зал. Это утроба. Огромное пространство без окон, стены которого обшиты панелями из черного дерева, поглощающего звук. Потолок теряется во мраке. Пол — идеально гладкий ледяной мрамор. В центре зала, на постаменте из цельного куска оникса, стоит он.

Доминик.

На нем нет пиджака. Только черная шелковая рубашка, расстегнутая на три верхние пуговицы, и брюки, сшитые так, что они кажутся второй кожей. Он не смотрит на меня. Его

взгляд прикован к предмету в его руках.

Это второй дневник. Точная копия того, что лежит в моей сумочке.

— Ты пунктуальна, Саломея, — его голос заполняет пространство, лишенное эха. — Это редкое качество для людей, чьи жизни рушатся.

— Где моя сестра? — мой голос звучит ровно. Я не даю ему удовольствия услышать в нем дрожь.

— В безопасности, — он поднимает на меня глаза. В них пляшут красные блики от подсветки пола. — Пока. Она сейчас спит. Третий час. Я ввел ей коктейль, который делает сны очень, очень яркими. Она видит тебя, Ева. Она видит, как ты танцуешь для меня.

Я делаю шаг вперед. Мои каблуки — единственное, что нарушает мертвую тишину этого склепа.

— Правила, — говорю я. — Я здесь. Дневник у меня. Отпусти Леру.

— Отпустить? — он тихо смеется, и этот смех вызывает у меня желание вцепиться ему в горло. — Я еще не закончил с ней. Она оказалась на удивление способной ученицей. Знаешь, что она прошептала, когда я пристегивал ее к кровати во второй раз? Твое имя.

Воздух в легких превращается в стекло. Я заставляю себя дышать. Если он ждет, что я сорвусь, он будет разочарован. Или мертв.

— Мы не договаривались о твоих извращениях, Доминик.

Мы договаривались об обмене.

— Мы договаривались об игре, — он кладет второй дневник на постамент и медленно обходит его, сокращая дистанцию. — А в моей игре, Ева, правила меняются с каждой минутой. Ты думала, я просто курьер? Мальчик на побегушках, который привез тебе посылку? Какая очаровательная самонадеянность.

Он останавливается в трех шагах от меня. Достаточно близко, чтобы я почувствовала жар его тела, но слишком далеко, чтобы ударить.

— Дневник Орлова — это не карта сокровищ, — продолжает он, понижая голос до интимного шепота. — Это протокол доступа. Ключ от Зала Памяти — это не предмет. Это человек. Тот, кто сможет расшифровать алгоритм, не сломав при этом собственный разум. Князь Орлов сошел с ума на тридцать второй странице. Его последние записи — это бред о танцующих рыбах.

— Я не сумасшедшая, — отрезаю я.

— Именно поэтому ты здесь, — он делает еще один шаг. Теперь нас разделяет только воздух, наэлектризованный до предела. — Ты держишь хаос в узде. Ты превращаешь чужие катастрофы в строчки баланса. Но со мной этот фокус не пройдет. Я — не актив, который можно реструктурировать.

Он протягивает руку. Не ко мне. К моей сумочке.

— Дай его мне.

Я не двигаюсь.

— Сначала код отмены для Леры.

— Ты не в том положении, чтобы торговаться, — в его голосе впервые проскальзывает металл. — Отдай дневник, Ева. Или я разблокирую прямую трансляцию. Я покажу тебе, что именно сейчас делает мой человек с твоим телом, пока твой разум здесь, со мной. У нее очень гибкая шея.

Я медленно расстегиваю бархатную сумку. Мои пальцы не дрожат. Я достаю дневник. Тяжелый, пахнущий старой кожей и пылью.

Доминик протягивает ладонь.

Я вкладываю книгу в его руку.

Наши пальцы соприкасаются.

В ту же секунду гаснет свет.

Тьма падает мгновенно, абсолютная, густая, как нефть. Я не теряю ориентации. Мои глаза привыкли к работе с инфракрасными камерами, я считываю тепло тел. Я знаю, что он стоит прямо передо мной. Я слышу, как он делает вдох.

И в этот момент я понимаю.

Свет погас не для того, чтобы он мог меня ослепить. Свет погас, потому что снаружи кто-то перерезал питание.

Тяжелые дубовые двери Зала Памяти, которые я даже не заметила при входе, с оглушительным грохотом срываются с петель.

В зал врываются люди. Не телохранители Доминика. Они двигаются иначе — рвано, профессионально, без единого лишнего звука. Их лица закрыты тактическими масками, но

по выправке, по тому, как они берут на прицел и меня, и Доминика одновременно, я узнаю их.

Служба внешней разведки. Но не российская. Слишком дорогая экипировка. Слишком чистый, выверенный алгоритм штурма. Это частная военная компания высшего эшелона. «Тени». Те, кого нанимают, когда нужно стереть с лица земли не человека, а целое государство.

— Стоять! — голос усилен динамиком, он бьет по барабанным перепонкам. — Бросить оружие! Руки за голову!

Доминик не двигается. Он даже не смотрит на ворвавшихся. Его глаза прикованы ко мне. В них нет страха. В них — чистое, незамутненное веселье.

— Я же говорил, — шепчет он так, чтобы слышала только я. — Правила меняются.

Один из бойцов в маске направляется ко мне. Его автомат направлен мне в грудь.

— Ева Вольская? Вы задержаны по обвинению в несанкционированном доступе к государственным тайнам особой важности.

— Это какая-то ошибка, — говорю я, медленно поднимая руки. Мои ладони открыты. — Я просто консультант.

Боец подходит вплотную, его напарник страхует сбоку. Он быстро, но профессионально обыскивает меня. Его руки замирают на моей сумочке.

— Что в этом? — спрашивает он.

— Антиквариат, — отвечаю я.

Он открывает сумку, достает дневник. Проводит по нему сканером. Лицо за маской каменеет.

— Подтверждено. Объект «Саломея» у нас.

Он срывает с меня бархатную сумку, защелкивает на моих запястьях холодные браслеты. Не пластик. Тяжелая сталь.

— За что? — мой голос звучит почти искренне. — Я заплатила налоги.

Боец грубо толкает меня в плечо, разворачивая к выходу.

— Приказано доставить вас в Гаагу. Живой. Конфиденциально.

Меня ведут мимо Доминика. Он все так же стоит у постамента. В его руке — мой дневник. Он не смотрит на спецназ. Он смотрит на второй дневник, лежащий на ониксе.

Когда меня протаскивают мимо, он наконец переводит взгляд на меня. Улыбается. И медленно, демонстративно подносит мой дневник к лицу, вдыхая запах старой кожи. Затем он целует серебряную застежку в виде змей.

И только когда тяжелые двери за мной снова закрываются, отрезая меня от Зала Памяти, до моего затуманенного адреналином сознания доходит последняя деталь.

Боец, который защелкнул на мне наручники, на долю секунды повернулся ко мне профилем.

На его запястье, под задравшимся манжетом тактической

перчатки, я увидела тонкий белый шрам.

Доминик не просто знал, что за нами придут.

Он их вызвал.

Меня заталкивают в черный микроавтобус без окон. Двигатель заводится бесшумно. Мы едем сквозь венецианскую ночь, но везут меня не в порт. Маршрут, который я считываю по вибрациям и поворотам, ведет вглубь материка.

В Гаагу не едут через Верону.

Я смотрю на свои стальные браслеты и впервые за вечер позволяю себе улыбнуться.

Они думают, что поймали Саломею.

Они не знают, что Саломея всегда танцует со своей головой в руках.

Глава 3

«Власть без любви — вещь страшная. Такой власти служат из страха — так же, как индейцы преклоняются хищным зверям и демонам».

— Джордж Галифакс

Гаага пахнет формальдегидом, озоном от работающих серверов и страхом. Но это не запах сырой камеры в подвалах трибунала. Это стерильный, кондиционированный аромат корпоративной тюрьмы класса «Альфа». Сюда не попадают воры и убийцы. Сюда привозят тех, кто видел слишком много, чтобы жить, но знал слишком мало, чтобы умереть быстро.

С меня сняли наручники в лифте, который падал вниз дольше, чем физически может позволить себе шахта небоскреба. Мы вышли на минус сороковом уровне. Стены здесь — это не бетон. Это живой полимер, который поглощает звук, свет и, кажется, саму надежду.

Меня ведут по коридору, где пол мягкий, как в операционной. Мои каблуки утопают в нем, лишая меня единственного оружия — возможности превратить двенадцать сантиметров стали в смертельный удар.

Комната для допросов лишена углов. Идеальный круг. В

центре — металлический стул, привинченный к полу. Напротив — одностороннее зеркало. Я знаю, что за ним пустота. Настоящие наблюдатели сидят глубже, считывая мои зрачки и частоту сердечных сокращений через скрытые сенсоры в подлокотниках.

Я сажусь. Металл холодит даже сквозь тонкий шелк платья.

Дверь открывается через сорок минут. Время я отсчитываю по ритму вентиляции.

Входит он.

Без маски. Без оружия. В безупречном сером костюме, который стоит больше, чем годовой бюджет небольшой африканской страны. Его седые виски и спокойные, выцветшие от возраста глаза кричат о власти, которая не требует доказательств.

Он садится напротив. Между нами — только стол из того же поглощающего полимера. Он не включает лампу мне в лицо. В этом нет нужды.

— Ева Вольская, — его голос лишен всякого акцента, он звучит как текст, прочитанный идеальным синтезатором. — Директор Левицкий. Служба внешней разведки.

Я молчу. Левицкий — это миф. Призрак, которым пугают полковников, засыпающих на посту. Если он здесь лично, значит, дневник князя Орлова — это не просто ключ. Это детонатор.

— Вы провели впечатляющую операцию в Венеции, —

говорит он, складывая руки домиком. — Взломать систему безопасности Дома Памяти, подставить частную военную компанию «Тени» и при этом сохранить товар. Вы не консультант по финансам, Ева. Вы — призрак.

— Я просто очень хороший аудитор, — отвечаю я, позволяя себе легкую, почти скучающую улыбку. — Аудитор, который нашел несоответствие в вашем бюджете. Вы тратите слишком много денег на содержание пустых тюрем.

Левицкий не улыбается. Он нажимает кнопку на столешнице.

Одностороннее зеркало передо мной теряет свою зеркальность. Оно становится прозрачным, как толстое стекло.

За ним, в точно такой же комнате, сидит Лера.

Она одета в серый комбинезон без единого шва. Ее волосы стянуты в тугой пучок. Она выглядит пугающе спокойной. Она сидит на таком же металлическом стуле, ее руки лежат на столе. Но я вижу то, чего не видит Левицкий. Пальцы Леры едва заметно подрагивают в ритме, который я узнаю где угодно. Это азбука Морзе.

Т-и-ш-и-н-а. С-л-у-ш-а-й.

— Ваша сестра очень разговорчива, — говорит Левицкий, и я перевожу на него холодный взгляд. — Как только действие того коктейля, которым накачал ее ваш друг Доминик, закончилось, она стала весьма… продуктивной.

— Я хочу ее видеть, — мой голос звучит ровно.

— Вы ее видите, — парирует он. — Мы предлагаем вам

сделку, Ева. Вы отдаете нам дневник. Всю информацию, которую успели извлечь. А мы отдаем вам Леру. Вы забываете о Венеции, мы забываем о ваших счетах в Цуге и о тех трех диктаторах, чьи активы вы «отмыли» в прошлом году. Вы возвращаетесь в свой пентхаус.

Лера в соседней камере снова выстукивает пальцами. На этот раз быстрее.

Н-е в-е-р-ь. И-г-р-а.

Я смотрю на сестру. Она не выглядит напуганной. Она выглядит так, словно только что закончила партию в шахматы и осталась ею довольна.

— Где Доминик? — спрашиваю я.

Левицкий позволяет себе едва заметную паузу. Ровно в полсекунды. Это трещина в его броне.

— Доминик Веласкес больше не является фигурантом этого дела. Он передал нам активы и скрылся.

Лера замирает. Ее пальцы ложатся на стол абсолютно неподвижно.

Врет.

Доминик не передает активы. Доминик *и есть* актив. И если он «скрылся» от СВР, значит, он перешёл на уровень, где СВР уже не охотник, а дичь.

— Дневник, Ева, — напоминает Левицкий. — Время идет.

Я перевожу взгляд с сестры на директора.

— Вы не понимаете, с чем связались, — говорю я тихо. —

Это не флешка с государственными тайнами. Это протокол.

— Протокол чего? — он подается вперед. В его выцветших глазах впервые вспыхивает искра интереса.

— Протокол входа, — я наклоняюсь над столом, сокращая дистанцию. — Зал Памяти — это не архив, Левицкий. Это нейросеть. Физическая нейросеть, выращенная на основе ДНК. Дневник — это не карта. Это образец ткани. Ключ, который вы ищете, нельзя вырезать из бумаги. Его нужно вырезать из человека, который сможет его прочитать.

Я смотрю ему прямо в глаза, позволяя ему прочитать правду в моих.

— Вы пытаетесь вскрыть сейф, который открывается только вашей собственной кровью.

Левицкий откидывается на спинку стула. Он долго молчит, барабаня пальцами по столу. Ритм не совпадает с морзянкой Леры.

— Это красивая теория, — наконец произносит он. — Но у нас есть более приземленные факты. Например, факт того, что в Зале Памяти остались наши люди. И факт того, что система безопасности там начала… меняться. Стены двигаются. Температура падает до абсолютного нуля в случайных секторах. Мы потеряли двоих, прежде чем заблокировали входы.

Лера в соседней комнате медленно поднимает руку и проводит ладонью по горлу. Жест, который мы придумали в детстве. Означает: «У них мой ошейник. Смертельный ошей-

ник».

Значит, Доминик оставил ей подарок. Взрывчатку, вшитую в шейные позвонки, или наномаяк, который убьет ее при попытке к бегству.

— Вы блефуете, — говорю я Левицкому. — Если бы Зал был так опасен, вы бы не пытались торговаться. Вы бы просто вскрыли меня, как консервную банку, чтобы забрать ключ.

— Мы цивилизованные люди, — сухо отвечает он. — К тому же, некротизация тканей при изъятии образца делает ключ бесполезным. Он должен быть передан добровольно.

— Тогда вы в тупике, — я позволяю себе расслабиться, откидываясь на холодную спинку стула. — Я не отдам вам дневник, пока Лера в комбинезоне с вашими бирками. А Леру вы не отпустите, пока у вас нет дневника.

Левицкий смотрит на меня долгим, изучающим взглядом. Затем он снова нажимает кнопку.

Зеркало передо мной снова становится зеркалом. Комната Леры исчезает.

— Уведите ее в блок «Сигма», — бросает он в интерком. — Режим полной сенсорной депривации.

— Нет! — я подаюсь вперед, но ремни, о существовании которых я не знала, выстреливают из подлокотников и намертво приковывают мои запястья и лодыжки к стулу.

— Вы усложняете, Ева, — Левицкий поднимается. — У вас есть двенадцать часов. Подумайте о том, каково вашей

сестре будет провести их в полной темноте, тишине и невесомости. Говорят, после трех часов в «Сигме» люди начинают отгрызать себе конечности, чтобы почувствовать хоть что-то.

Он идет к двери.

— Где Доминик? — хриплю я, натягивая ремни.

Директор останавливается на пороге. Оборачивается.

— Доминик мертв для этого мира, — говорит он. — Но если вам так интересно… Он просил передать вам привет. Сказал, что вы поймете.

Дверь за ним закрывается. Щелкает замок.

Я вишу на ремнях. Двенадцать часов. Лера в «Сигме». Дневник жжет мне ребра даже сквозь платье — он спрятан в специальном нательном корсете, который не просветит ни один сканер.

Левицкий совершил ошибку. Он показал мне сестру.

Он думал, что я буду бояться за нее.

Но Лера выстучала мне правду. Это игра. И Доминик не ушел. Он просто сменил сторону доски.

Я закрываю глаза. В абсолютной тишине подземной тюрьмы я начинаю медленно, методично дышать, синхронизируя вдохи с ритмом вентиляции.

Если Зал Памяти — это нейросеть, а дневник — образец ткани, то Левицкий только что совершил классическую ошибку системного администратора.

Он изолировал сервер.

Но он забыл отключить кабель питания.

Мои пальцы, скрытые под ремнями, нащупывают тонкую золотую нить, вшитую в подол моего платья. Нить, которая является не украшением, а оптоволокном.

Директор Левицкий думает, что я сижу в клетке.

На самом деле, я только что подключилась к внутренней сети СВР.

И у меня есть двенадцать часов, чтобы узнать, кто на самом деле заказ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.